

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ СПЛОЧЕННОСТИ В МАЛЫХ СООБЩЕСТВАХ.
(КЕЙС-СТАДИ ПРОЕКТА «УСАДЬБА "ХВАЛЕВСКОЕ"»
В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)***

Сплоченность — сложное и многогранное явление, пронизывающее все клетки социальной структуры общества, проявляющее себя в группах — больших и малых, в социальных общностях самого различного масштаба. Формы сплоченности крайне разнообразны по своему характеру, а степень ее интенсивности динамично изменяется в историческом времени и социальном пространстве.

**Роль исторической памяти
как формообразующего фактора социальной сплоченности**

Историческая память — одно из самых загадочных и, вместе тем, широко используемых понятий в современном обществознании. Метафоричность этого понятия, объединяющего в себе массовые представления об историческом прошлом, превращаемые в конструкты общественного сознания, господствующие в обществе, подкупает своей кажущейся доступностью. Часто историческую память трактуют расширительно как своего рода пламенный котел, в который закладывают самые разнородные ингредиенты, такие, например, как мифы о прошлом, популярные представления об исторических героях, семейные предания, желание быть приобщенным к потоку исторического времени и таким образом подняться над «толпой» или, наоборот, сплотиться с теми или иными социальными группами, опирающимися на свои исторические корни. Но в любом случае речь идет о растворении истории и одновременно ее активизации в современном массовом сознании и его многочисленных формах, реализующих себя в СМИ, политической риторике, общественном мнении и т.д. При этом историческая память реализует себя, как в нематериальных формах, в формах общественного сознания (упомянутые выше верования и легенды, мифы и популярные трактовки прошлого, ритуалы и традиции, уходящие в толщу бытовой культуры), так и в материальных памятниках (мемориальные доски, монументы историческим деятелям и героям, захоронения и надгробия, музеи и пр.).

* Статья написана при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках проекта № 14–18–03784 «Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия», реализуемого в РОО «Сообщество профессиональных социологов».

В более точной трактовке историческую память можно и следует понимать как своего рода совокупный общественный дискурс, состоящий из различного рода концептов и репрезентаций прошлого, наполненный общественными и личными эмоциями и включающий ретроспективные рефлексии по поводу «прожитого и пережитого» поколениями. В этом смысле понятие «историческая память» весьма близко понятиям «коллективная память», «социальная память».

Если говорить словами историка М. Н. Покровского о том, что «история есть политика, опрокинутая в прошлое» [Покровский 1928], то в отношении исторической памяти можно сказать, что она представляет собой трансформированное прошлое, опрокинутое в настоящее и ставшее его органической составляющей.

В исследованиях французского историка и психолога, дюркгеймианинца Мориса Хальбвакса (1877–1945) подчеркивается именно сплывающая и солидаризирующаяся сила исторической памяти [Хальбвакс 2007], «переживаемая» в коллективных формах сознания. Опираясь на основополагающие идеи Эмиля Дюркгейма о коллективных формах представлений, М. Хальбвакс писал: «Таким образом, в самом деле, существуют основания различать две памяти, одну из которых можно, если угодно, назвать внутренней, а другую – внешней, или же первую личной, а вторую – социальной. Говоря еще точнее (с только что указанной точки зрения): автобиографическая память и историческая память. Первая использует вторую, поскольку, в конце концов, история нашей жизни является частью истории. Но вторая, естественно, шире первой. К тому же она представляет нам прошлое лишь в сокращенной и схематичной форме, в то время как память о нашей жизни представляет непрерывную и густую картину» [Хальбвакс 2005].

Существенно позднее Хальбвакса другой французский историк, наш современник, Пьер Нора, рассматривая специфику исторической памяти, указывает на огромную значимость «мест памяти» (*lieux de mmoire*), которые оказываются точками кристаллизации прошлого, непосредственно воздействующими на индивидуальное сознание. Однако прямая связь переживания истории с конкретным «местом памяти» порождает в свою очередь (как последствие) коллективность восприятия, распространяющуюся на определенные группы по принципу «мы вместе», «мы из одной эпохи», «мы послевоенное поколение» и т.д. Переход Я в Мы – важнейшая функция исторической-коллективной-социальной памяти. Таким образом, «место памяти» становится своеобразным центром, «локусом притяжения», генерирующим коллективные представления и, в конечном счете, солидарные формы поведения [Нора 1999]. Эти формы поведения поддерживаются (по выражению П. Нора) «горением истории», то есть эмоционально заряженным мотивационным потенциалом, по сути, обращенным не только и не столько к прошлому, сколько к современности. Иными словами, историческая память становится частью развивающейся современности. «Музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы,

ассоциации — все эти ценности в себе — свидетели другой эпохи, иллюзии вечности. Отсюда — ностальгический аспект проявлений почтения, исполненных ледяной патетики. Это ритуалы общества без ритуалов, преходящие святыни десакрализирующего общества, верность партикулярному в обществе, которое отвергает партикуляризм, фактические различия в обществе, принципиально стирающем их, знаки признания и принадлежности к группе в обществе, которое стремится распознавать только равных и идентичных индивидов» [Нора 1999, с.26].

«Иллюзия вечности» — весьма важная характеристика и предназначение исторической памяти. Иллюзия диалога с вечностью превращается в сакральный формообразующий фактор, распространяющийся на самый широкий круг материальных объектов и артефактов. Устанавливая связь с прошлым, человек вовлекает его в свое настоящее и тем самым внушает себе веру в бесконечное будущее. В этом смысле историческая память выступает в качестве важнейшего элемента культуры, обеспечивающим преемственность опыта поколений, его передачу и наследование, делающим возможным социальный опыт как таковой.

«Локусом притяжения», генерирующими историческую память, становятся самые разнообразные материальные объекты природного и рукотворного мира — естественные ландшафты, памятники, музейные объекты, антиквариат, постройки и т.д. К числу «генераторов» исторического сознания в его социальном варианте относятся и загородные усадьбы, некогда принадлежавшие представителям знатных родов, а ныне находящиеся в самом различном статусе и обладающие различной степенью сохранности — от полностью и с блеском восстановленных до своего первоначального состояния или же, наоборот, пребывающих в полностью руинированном виде, а подчас и вовсе исчезнувших с лица земли, но оставивших едва заметный след на поверхности и более заметный след в воспоминаниях.

В российской социологии и культурологии проблему исторической памяти активно исследуют И. М. Савельева и А. В. Полетаев [Савельева, Полетаев 1997], Л. П. Репина [Репина 2003], Т. В. Пушкарева [Пушкарева Т., Шемякина 2016; Пушкарева 2011, 2012; Ахметшина 2014]. В трудах российских специалистов, наряду с общетеоретическими аспектами этой темы, рассматривается российские «корни» памяти, отечественная устная история.

Русская историческая усадьба в современной России как локус воспроизводства исторической памяти

О мире русской усадьбы написано немало исследований [Русская усадьба 2017; Михайлов, Лотарева 2015; Знаменитые музеи-усадьбы России 2010; Евангулова 2003; Русская усадьба... 2015; Дмитриева Е. Е., Купцова 2008; Журнал «Наше наследие» 1994; Мир русской усадьбы 1995; Каждан б.г.; Коробко 1997; Новиков 2012]. Поистине это безбрежная тема, имеющая исторические, литературные, культурологические, архитектурные, экономические и многие иные аспекты.

В XVIII–XIX веках, особенно до отмены крепостного права, усадьбы во многом были системообразующими центрами хозяйственной деятельности, земельной собственности и сельскохозяйственной экономики. В соответствии с этим и усадебная жизнь сполна несла на себе черты дворянского быта и дворянской культуры. И хотя в XIX веке заявил о себе рост городов и городского населения, но поместные усадьбы по-прежнему концентрировали в себе главные признаки эпохи. Отмена крепостного права и наступательное развитие капиталистических отношений в городе вскоре коснулись и дворянских усадеб за пределами городов. Начался процесс упадка и дробления помещичьих хозяйств, распродажи прежними собственниками сельскохозяйственных угодий, превращения усадеб в дачи, а позднее, в начале XX века, и вовсе разрушения зданий и хозяйственных построек. Этот процесс нашел свое художественно-сценическое воплощение в пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад».

Октябрьская революция 1917 года окончательно подвела черту под усадебной жизнью. Советская власть полностью экспроприировала все усадьбы, переведя их в государственную собственность. Дальнейшая судьба усадеб складывалась по-разному. Меньшая часть из них стала музеями. В основном здания бывших усадеб использовались в качестве домов отдыха, санаториев, больниц, режиссерских школ, помещений для размещения органов местного управления и администраций. Большая часть оставшихся усадеб вообще никак не использовалась, они были брошены на произвол судьбы, достигли стадии запустения и нередко вообще переставали существовать. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на территории военных действий также было разрушено сотни усадеб.

На сегодняшний день на территории Европейской части РФ силами специалистов некоммерческого партнерства «Русская усадьба» выявлено следующее количество существовавших и существующих поныне усадеб [Русская усадьба].

Московская область	690
Калужская область	210
Смоленская область	253
Тульская область	305
Рязанская область	251
Владимирская область	161
Ярославская область	311

Работы по каталогизации усадеб пока еще далеки от завершения. Масштабы воистину огромные. В 2015 году под эгидой Министерства культуры РФ началась реализация Федеральной межведомственной программы «Русские усадьбы», имеющей своей целью возрождение исторических усадеб на различной экономической, правовой и организационной основе и с применением диверсифицированных решений.

В последнее время внимание к усадьбам получило новое развитие на федеральном уровне. Это связано с несколькими обстоятельствами.

Во-первых, обезлюдивание и вакуумизация внегородских территорий в Европейской части РФ со всей остротой ставит вопрос о создании своего рода опорных пунктов, которые своей продуктивной деятельностью могли бы этот процесс замедлить, а, возможно, и остановить, став своеобразными точками роста культуры и экономики. Сеть сохранившихся и восстановленных усадеб как нельзя лучше соответствует выполнению этой задачи. Сочетая свою природно-ландшафтную привязку с приближенностью к сельским поселениям, усадьбы рассматриваются государственными органами, в том числе на федеральном уровне в качестве объектов повышенного внимания и особой значимости. Примечательно при этом, что инициатива в смене политики в отношении сохранившихся усадеб, как правило, исходит от федеральных органов (Министерство культуры и Министерство регионального развития), а не от областных и местных властей, последние медленно и в раздумчивости включаются в общий тренд.

Во-вторых, политика активизации фактора исторической памяти для достижения общей сплоченности населения РФ (концепция «скреп», «колеи», «монолитности» и др.) логически подводит госорганы к выводу, что именно поместные усадьбы являют собой те немногие оставшиеся «скрепы», которые, обладая характеристиками наглядности, демонстративности и определенности, воочию и практически связывают нас с восприятием прошлого, которое, по сути, трансформируются и опрокидывается в настоящее.

Это приводит к тому, что усадьбы, которые в течение многих десятилетий находились в забвении или на далекой периферии внимания властей всех уровней, превращаются в объекты особой заботы¹. При этом выдвигается задача максимально снять усадебные проекты с государственной дотационной поддержки и перевести их в режим самокупаемости.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы.

Поместные усадьбы в свое время представляли мощный экономический и социальный уклад, на базе которого возник и развился культурный пласт российской истории, вневременной значимости. Поместный уклад и соответствующий культурный массив составляют содержание исторической памяти, связывающей наших современников с эпохой XVIII–XIX вв., ее иде-

¹ При Министерстве культуры РФ осенью 2017 года был создан Научно-экспертный совет по экономическому восстановлению усадеб под председательством заместителя министра О. В. Рыжкова. В совет вошли видные специалисты по сельским территориям, историки, культурологи, владельцы усадеб, ученые-обществоведы [В России создадут... 2017]. В ноябре 2017 года в рамках VI Санкт-Петербургского международного культурного форума, поддерживаемого Министерством культуры РФ, была развернута целая программа заседаний и круглых столов, посвященная сохранению и восстановлению исторических усадеб. Среди мероприятий этой программы – презентация Ассоциации владельцев исторических усадеб; презентация «Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ)»; круглый стол «Проблемы сохранения русских усадеб»; открытое заседание Научно-экспертного совета при Минкультуры России. «Проект «Наследие Плюс. Возрождение исторических усадеб как драйвер социально-экономического развития регионов» [В Петербурге обсудят...].

ализированным и мифологизированным блеском, а равно и реальными достижениями в экономике, государственном строительстве, культуре.

В современных условиях историческая память, опирающаяся на представления об усадебном укладе, генерирует у современного человека ментальную сопричастность «великим свершениям отцов и дедов», вовлеченность в «поток истории», чувство «обладания большими возможностями», не сопоставимыми в нынешних условиях с общепринятыми стандартами, возможность внутренне «прожить эпизоды жизни великих творцов». Комплекс этих ощущений, связанных с переживанием истории, создает у собственника усадьбы, гостя или простого туриста чувство радости, подъема, оптимизма. Это весьма действенные факторы формирования позитивного восприятия окружающего мира в целом. Переживание личной вовлеченности в мир русской усадьбы переходят на групповой и сопричастный опыт, что, в свою очередь, создает основу для возникновения сплоченности и нацеленности на реализацию общей цели.

Общие цели, солидаризирующие группу, могут носить самый разнообразный характер. Среди них выделим следующие:

- охрана памятников прошлого как сакральная задача; признание высших целей и смыслов в воссоздании исторической реальности, опирающейся на историческую память; служение истории вне какой-либо прагматики; формирование сплоченных групп защитников старины;
- реконструкция усадебного памятника прошлого как образца правильной жизни, высокого стиля культуры и дворянской повседневности, контрастирующих во многих случаях с убожеством условий существования современных сельских сообществ;
- нацеленность на практическое улучшение жизни сообществ за пределами дома и территории усадьбы (например, окружающие села и деревни); концентрическое расширение воздействия усадьбы на эти поселения с целью приостановления их социальной деградации; организация работы с местным населением, распространение опыта ведения хозяйства на современной основе;
- музеефикация усадьбы; полное восстановление здания и парка до их изначального состояния; воссоздание аутентичных интерьеров, наполненных антикварной мебелью прошлой эпохи; создание и размещение коллекций произведений искусства и исторических предметов; формирования вокруг усадьбы круга краеведов, ценителей искусства и истории;
- усадьба как бизнес-проект с ориентацией на сельскохозяйственное производство фермерского типа, переработку и продажу товарной продукции; создание соответствующих организационных структур;
- усадьба как рекреационный бизнес-проект, сориентированный на туризм, гостиничный сервис, а также различные иные виды сервисов (конеферма, охота-рыболовство, спорт и др.); кейтеринг и устройство торжеств;
- усадьба как инновационный высокотехнологичный дистантный офисный центр с уклоном в работу в онлайн и инфокоммуникациях;

- проведение научных и иных конференций; аккомодирование образовательных программ различного уровня и длительности (от постоянно размещаемых в усадьбе школ искусства до эпизодических научных конференций);
- размещение филиала крупного столичного университета с достройкой и реконструкцией зданий за пределами усадьбы;
- усадьба как «семейное гнездо» и место постоянного или эпизодического проживания семьи владельцев собственности; воссоздание семейно-родственного круга и круга «друзей дома».

Из вышеприведенного перечня возможных функций исторической усадьбы в современных условиях становится достаточно очевидным, что в чистом виде ни одна функциональная задача не имеет шансов обеспечить экономической выживаемости усадебного комплекса. Функции должны агрегироваться с учетом местных условий, наличия инвестиций, а также индивидуальных склонностей владельцев. Однако столь же очевидно, что любая форма жизнедеятельности усадьбы автоматически подразумевает возникновения групп, нацеленных на реализацию выбранного проекта. Это, в свою очередь, ставит вопрос о степени сплоченности участников на основе общей заинтересованности в конечном результате и сбалансированности внутригрупповых отношений.

Не все социальные функции современной усадьбы в равной мере включают в себя компонент исторической памяти или основываются. Так, скажем, музеефикация в большей степени отвечает критериям возникновения сплоченности на основе исторической памяти, чем бизнес-проекты, связанные с фермерством и сельским хозяйством (хотя и тут могут быть свои исторические параллели и пересечения, своя «идеология», уходящая корнями в прошлое). Однако в целом все коллективы и малые группы, работающие в поле объектов исторической памяти, испытывают воздействие этого феномена, повышающего уровень сплоченности и порождающего чувство «общего дела».

Среди отнюдь не единичных примеров возрождения дворянских усадеб и возвращения их к жизни, мы выделим сравнительно новый, «молодой» проект, который за короткий срок прошел путь от уровня деградировавшего и заброшенного усадебного дома до полностью развитой поместной структуры, сочетающей в себе многие функции активизации исторической памяти и опирающейся на деятельность различных сообществ, обладающих высокой степенью сплоченности. Речь идет о Проекте «Усадьба "Хвалевское"» в Бабаевском районе Вологодской области [Хвалевское...].

Выбор исследовательского кейса продиктован рядом обстоятельств. Во-первых, Проект «Усадьба "Хвалевское"», как было сказано выше, молодой и бурно растущий проект, опирающийся на продуманную модель, реализуемую по ясным и рационально выстроенным алгоритмам. Во-вторых, в своем основании проект изначально был и остается открытым, то есть подразумевающим многоаспектные взаимодействия владельцев дома-усадьбы с местными сообществами, а также различными общественными и профессиональными сообществами в России и за рубежом. В-третьих, в ходе исследования была

предоставлена возможность на протяжении длительного срока (2011–2017) проводить включенные наблюдения и пользоваться самой различной информацией, получаемой из первых рук. В-четвертых, в определенном смысле рассматриваемый проект может служить примером именно современного прочтения требований времени, предъявляемых к старинным усадьбам с точки зрения их взаимодействия с внешней средой в стране и мире.

Кейс усадьбы «Хвалевское»: люди, годы, жизни

История «Хвалевского» восходит к середине XIX века. На высоком берегу реки Суды, впадавшей в Волгу (ныне в Рыбинское водохранилище), в окрестностях села Борисово–Судское Белозерского уезда (ныне Бабаевского района) Новгородской губернии (ныне Вологодской области) в 1854–1856 гг. был построен усадебный дом [Епифанов 2006]. Инициатором строительства, автором проекта и первым владельцем усадебного дома был Николай Александрович Качалов (1818–1891), представитель знатного дворянского рода, воспитатель императора Александра III, директор Департамента таможенных сборов Российской империи, губернатор Архангельска в 1869–1870 годах [Качалов 2012]. С Хвалевским связаны судьбы двух губернаторов Архангельской губернии – отца и сына Н. А. Качалова и Н. Н. Качалова (ректора Санкт-Петербургского электротехнического университета «ЛЭТИ») [Николай Николаевич Качалов], а также известного советского учёного-химика, академика Н. Н. Качалова, родной бабушки поэта А. А. Блока Ариадны Качаловой и многих других выдающихся людей России.

После Октябрьской революции 1917 года усадьба была экспроприрована, в ней первоначально размещались местные органы власти. Позднее, в 1919 году здесь находилась средняя школа¹. В годы Великой Отечественной войны в усадьбе располагался военный госпиталь, позднее – вновь школа. В 1990-е годы в связи с переездом школы в новое здание и сокращением общей численности учеников здание усадьбы перестало эксплуатироваться, и усадьба стала ветшать. В 2009 году усадебный дом был приобретен потомками рода Качаловых – В. Б. Войцеховской-Качаловой и Ю. М. Войцеховским, успешными международными финансистами и инвесторами, глубоко интегрированными в деловые бизнес-круги современной России. Примечательно, что в связи с приобретением ими Хвалевского речь не шла о реституции и восстановлении прав семейной собственности. В 2009 году дом и усадебный участок земли в результате длительного процесса переговоров были приобретены у местных властей через открытый аукцион за свою полную стоимость. С этого года начинается активный процесс восстановления имения. В 2014 году процесс восстановления завершился и произошло торжественное открытие усадьбы.

¹ Это объясняет тот факт, что здание усадьбы не было разрушено и во многом сохранилось до наших дней в общем и целом в своем изначальном виде.

Значение исторической памяти для консолидации семьи и рода

Следует отметить, что изначально намерение Войцеховских-Качаловых приобрести усадьбу Хвалевское и стать ее полноправными владельцами имело в своей основном идеалистический, не прагматический характер и было направлено, прежде всего, на восстановление исторической памяти рода Качаловых, консолидацию расширенной семьи всех потомков Качаловых, ныне живущих в Москве, Санкт-Петербурге, Риге и Париже. В более широком смысле речь шла о восстановлении *исторической справедливости*, нарушенной революцией, войнами и другими социальными катаклизмами. Примечательно, что в историческом ракурсе тема «справедливость-несправедливость» никогда не возникала в кругу семьи. Скорее, вопрос звучал об *историческом долге* воссоздания и продолжения исторической памяти рода, что в первую очередь подразумевало восстановление усадьбы как пространственно-исторического локуса. Между тем, в публичной речи эти темы никогда не звучали, они присутствовали в подтексте, в не высказываемом и не высказанном. Лишенные ложной пафосности и риторики, Войцеховские-Качаловы, прежде всего практическими делами подтверждают свою программу.

Будучи опытными и успешными представителями российской бизнес-элиты, менее всего Войцеховские-Качаловы рассматривали Хвалевское в качестве коммерческого или инвестиционного проекта. И хотя позднее встали вопросы самоокупаемости Хвалевского, выведения бюджета усадьбы хотя бы на «ноль», поддержания инфраструктуры в рабочем состоянии (что, естественно, требовало привлечения внешних средств), тем не менее, изначально и поныне превалирует мотивация погружения в историю, в том числе историю семьи, служения «малой родине» и России в самом широком смысле этого понятия. Можно утверждать, что постепенно формировавшаяся сплоченность участников семейного проекта имела и имеет в своей основе принцип реализации и воплощения в жизнь нравственных идеалов, как бы пафосно это и ни звучало.

Войцеховские-Качаловы на всех этапах восстановления усадьбы устраивали в еще не завершенном доме семейные собрания, приглашая для этого членов расширенного рода не только из Москвы и Санкт-Петербурга, но из Прибалтики и Западной Европы. Это предвлялось кропотливой поисковой работой по созданию «родового древа» семьи Качаловых и обнаружению близких и дальних родственников, установлению связей с каждым из них в разных концах страны и мира. В большинстве случаев родственники не были знакомы друг с другом или же только понаслышке могли иметь какое-то представление о существовании «наших» в Риге или Париже. Революциями, войнами, Большим Террором 1930-х годов род Качаловых был рассеян по всему миру. Поэтому в большой программе создания и укрепления семейной сплоченности ежегодные встречи членов семьи в усадебном доме, находящемся в процессе реставрации, имели в чем-то сакральный характер. «Дом-усадьба» приобретал символический характер, генерирующий целый комплекс смыслов: связь с историей и памятью о поколениях семьи, а также обмен культурными ценностями и культурным капиталом, представляющими самые различные

профессии и биографические повествования, установление чисто человеческих связей, основанных на взаимной симпатии.

Следует отметить и поколенческую динамику рождения сплоченности. Самые молодые поколения семьи Качаловых, дети и подростки, быстрее всего включались в процесс консолидации. Именно они первыми осваивали огромный дом, превращая его в игровую площадку, уникальную по своим возможностям.

Важную роль сыграла публикация в 2012 году монументального и прекрасно изданного тома «Н.А.Качалов. Воспоминания тайного советника» [Качалов 2012]. Прежде в Санкт-Петербурге была обнаружена никогда не издававшаяся рукопись мемуаров, о существовании которых прежде никто не знал. Мемуары достаточно подробно воссоздают исторический опыт Н.А. Качалова, видного государственного деятеля Российской империи середины XIX века, в том числе и опыт строительства усадьбы «Хвалевское». Изданная книга стала путеводителем по истории семьи, ее аутентичным описанием «из первых рук» и важным фактором сплочения. Фрагменты из воспоминаний Н.А. Качалова нередко зачитываются вслух на семейных вечерах.

Среди других факторов укрепления сплоченности отметим ритуал совместного приготовления еды и общего застолья. Большинство членов семьи по очереди и добровольно стремятся продемонстрировать свои кулинарные таланты, что создает непринужденную атмосферу обмена опытом и взаимными комплиментами.

Особую роль играли и играют занятия музыкой и музицирование, в меньшей мере литература и литературные чтения, театральные постановки, хотя все эти. Исторически сложилось так, что большинство членов семьи в той или иной степени связаны с профессиональными или любительскими занятиями музыкой (от высокой классики до народного фольклора). Поэтому дом сразу же стал «акустичным». Он всегда наполнен звуками, музыкой — идут репетиции, хоровые спевки, вечерами устраиваются хорошо организованные концерты, практикуется и застольное пение, «настроенчески» исполняются старинные и современные романсы под гитару. Необходимо особо отметить роль семейной фольклорной программы.

Исполнение народных песен и танцев в народных костюмах всеми членами семьи, игра на народных инструментах, (притом все это с репетициями и режиссурой) может служить живым примером спланированной роли народного искусства, перерастающего из своего рода забавы в серьезное увлечение, наполненное внутренним смыслом для его участников.

Усадьба «Хвалевское» во внешнем восприятии местных сообществ

Направленность на реанимацию и реставрацию семейной исторической памяти органично повлекла за собой ориентацию на расширение проекта в контексте местных сообществ и региона в целом. Можно сказать, что проект вскоре после своего начала в равной мере стал расти «вглубь» (семейно-родовая история) и «вширь» (воздействие на местные сообщества).

Первоначально Войцеховские-Качаловы были в полном смысле слова чужаками в этом глубинном, можно сказать, затерянном в лесах уголке Вологодской области (усадьба Хвалевское находится в 60 км от ближайшей железнодорожной станции).

Известие о покупке дома и усадьбы быстро проникло в среду жителей соседнего села Борисово-Судское. Со стороны общественного мнения реакция на это сообщение была неоднозначной. Сам факт прихода новых владельцев с необъявленными целями был столь необычен для местных жителей, столь из ряда вон выходящим, что порождал самые различные пересуды.

Наиболее позитивно и оперативно откликнулись на него немногочисленные представители местной *интеллигенции*, прежде всего, главный врач местной больницы и журналистка-краевед. Именно они гостеприимно встретили Качаловых-Войцеховских, оказали самую разнообразную помощь, дали временный кров (в селе нет гостиницы), приняли на себя добровольную обязанность быть консультантами и проводниками в местном сообществе. Так началось формирование немногочисленного «ближнего круга» Качаловых-Войцеховских и его консолидация. Этот сплоченный круг энтузиастов и друзей дома остаётся в своем неизменном составе и по сей день.

Меньший энтузиазм по отношению к проекту проявили широкие круги *местных жителей*. Надо сказать, что село Борисово-Судское, некогда бывшее даже районным центром до проведенного укрупнения административного деления Вологодской области, отнюдь не маленькое захолустное поселение. Сегодня оно насчитывает 1890 жителей, в наличие развитая инфраструктура, разумеется, с поправкой на Ближний Север. Но экономика села, по преимуществу сельскохозяйственная, находится в упадке, госбюджетные рабочие места сокращаются, превалирует так называемая «пенсионная экономика» — существование семьи за счет пенсий пожилых. К этому добавляется натуральное хозяйство на приусадебных участках. На этом фоне восстанавливавшаяся усадьба — казалось бы, столь очевидный и достаточно неожиданной источник роста — должна была вызвать всеобщее одобрение и ликование среди местных. Но этого не произошло и не происходит. Напротив, местные жители и их семьи, в основном безработные, с нескрываемой опаской поглядывали на происшедшие изменения, не зная, что от всего этого можно ожидать. Амплитуда их отношения к проекту колебалась от равнодушия до явного неодобрения. Видимо, общие цели проекта им были не близки (несмотря на большую и вполне искреннюю прозелитическую и разъяснительную деятельность, развёрнутую Войцеховскими-Качаловыми), а все незнакомое, как известно, в замкнутых сообществах изначально воспринимается негативно и с подозрением. Массового желания со стороны местных жителей найти работу в усадьбе и предложить свои услуги отмечено не было. И в каждом отдельном случае приходилось с немалыми трудностями искать помощников даже на самые простые работы. Строительные и реставрационные работы в основном были выполнены московскими мастерами и фирмами, с отдельным «точечным» участием Вологды. И только на завершающем этапе включились местные столяры.

На этом примере мы видим проявление характерного для сельских сообществ Ближнего Севера синдрома сопротивления экономической рациональности. Даже в условиях безработицы местные жители в противовес очевидному рациональному выбору предпочитают придерживаться традиционного формата выживания вместо того, чтобы включиться в новый проект, обещающий принести им реальный доход.

Здесь будет уместно упомянуть, что экономическая модель восстановления усадьбы «Хвалевское» не подразумевала государственных инвестиций и грантовой поддержки со стороны фондов. От начала и до сего дня «Хвалевское» финансируется исключительно из личных средств Войцеховских-Качаловых.

С большим интересом и пониманием к проекту отнеслись немногочисленные представители местного сельскохозяйственного *частного бизнеса*, который далек от процветания. Фермеры и владельцы животноводческих комплексов – частые гости в усадьбе, но, насколько можно судить, каких-то заметных совместных бизнес-инициатив это не порождает.

С самых ранних этапов формирования проекта Войцеховские-Качаловы в полной мере осознали значение *властных структур*, института местной власти в региональной России. Они довольно быстро установили деловые дружеские отношения с главой районной администрации, местной муниципальной сельской власти, а позднее, ближе к завершению реставрации, и с губернатором области, который летом 2014 года на торжественной церемонии провозгласил усадьбу открытой для «города и мира». Этот внешний круг сообщества усадьбы «Хвалевское» поддерживает проект, видя в нем перспективный бренд всей области.

С целью укрепления связей с Вологодской областью и отчасти из идеалистических побуждений Ю. М. Войцеховский-Качалов приобрел Вологодский текстильный комбинат – одно из градообразующих предприятий Вологды, находившееся к тому моменту в полностью свернутом состоянии [Вологодский текстильный комбинат]. Возникла благородная цель возродить некогда традиционное выращивание льна и производство льняных тканей. Этот проект достаточно рискованный, он не обещает быть легким. Однако Ю. М. Войцеховский-Качалов целенаправленно его возглавил, став не только главным организатором пула инвесторов, но и президентом компании «Вологодский текстиль», которой стал принадлежать комбинат.

Усадьба «Хвалевское», казалось бы, не имеет прямого отношения к возрождению культуры льняного текстиля на Вологодчине, но смысловая перекличка обоих проектов достаточно очевидна. Историческая память, мотивирующая «Хвалевское», логично трансформируется в развитие экономики и местных сообществ сегодняшнего дня.

Отметим важную и, быть может, определяющую особенность проекта «Усадьба "Хвалевское"». Это проект по определению открытый, не подразумевающий конструирования уютного семейного мирка на лоне природы вдали от шума городского. Проект открыт изначально, он задумывался как общественная акция длительного действия, трансформирующая окружающее

социальное пространство или, как сейчас принято говорить, драйвер изменений. В достаточное неспешное и временами затухающее бытие местных сообществ был вброшен смелый по своему характеру и весьма креативный «раздражитель», генерирующий вокруг себя концентрические волны инициативности, деловой предприимчивости, неуспокоенности. Все это входило в изначальный замысел Войцеховских-Качаловых и по-прежнему остается их мотивационной установкой.

Даже архитектурно-организационные решения подчеркивают эту мысль. Усадьба являет пример своего рода «антирублевки». Она не отгорожена от внешнего мира непроницаемыми стенами и заборами. Чисто символические ворота, ведущие к дому, как правило, остаются не запертыми. В музейной экспозиции для организованных туристов и всех желающих постоянно проводятся экскурсии. Но и в остальное время каждый желающий и интересующийся может позвонить в дверь, и, если для этого есть возможность, его примут и покажут дом, расскажут о роде Качаловых и погрузят в историческую память.

В одном из крыльев усадебного здания на безвозмездной основе находится полностью оборудованную Войцеховскими-Качаловыми и активно работающую по своей программе сельская школа искусств. Летом усадебный дом и усадебный парк принимают у себя традиционный День села – фестиваль жителей Борисова-Судского. Организуется не менее многочисленный праздник под названием «Травник» (народное искусство и ремесла). «Хвалевское» включено в гастрольные программы музыкальных коллективов, камерных оркестров, вокалистов из филармоний Москвы и Санкт-Петербурга. Концерты проходят на открытой концертной площадке в партере перед домом и в самом доме. Все эти открытые и абсолютно бесплатные для зрителей мероприятия прекрасно посещаются жителями села, привлекают внимание властей и прессы.

Дважды «Хвалевское» принимало у себя ученых – социологов, экономистов, географов – из Москвы и Санкт-Петербурга. В первом случае на семинаре видных представителей РАН, МГУ, НИУ ВШЭ, и СПГУ проходил «мозговой штурм», сфокусированный на разработке программы дальнейшего развития «Хвалевского» как центра туризма, культуры и местной экономики. Вторая конференция была посвящена более широкой теме дезурбанизации, новым формам сельского хозяйства, внегородским сообществам в постиндустриальную эпоху и эпоху инфокоммуникаций. В обоих случаях организатором выступило московское Сообщество профессиональных социологов.

Не менее интересно и знаменательно сотрудничество «Хвалевского» с московской молодежной Архитектурной школой МАРШ [Архитектурная школа МАРШ]. Первоначально в ходе реставрационных работ в «Хвалынском» молодые архитекторы получили заказ на некоторые достройки и перестройки, оказавшиеся необходимыми. Но в дальнейшем миссия московских архитекторов существенно продолжилась и расширилась. Большой десант молодых архитекторов в рамках программы летней школы, проходившей в усадьбе, создал и защитил проект модернизации центра села Борисово-Судское с использованием

современных архитектурно-планировочных решений. Скорее всего, этот проект частично или полностью будет реализован муниципальными властями.

Информационная составляющая проекта может считаться образцовой. Помимо специализированного сайта в интернете «Хвалевское» активно присутствует в социальных сетях «*Facebook*» и «*Вконтакте*». Все основные федеральные и местные каналы российского телевидения, а также и зарубежные каналы посвятили «Хвалевскому» свои репортажи. Библиограф публикаций о «Хвалевском» в ведущих иллюстрированных журналах весьма внушительна.

Выводы

Итак, краткое описание и анализ «ближнего», семейного круга «Хвалевского» и концентрических кругов оказываемого им воздействия на местные сообщества дает повод для некоторых выводов.

Степень возникающей и укрепляющейся сплоченности в группах поддержки «Хвалевского» в основном определяется сферами исторической памяти и современной культуры. (В меньшей степени на сегодняшний день усадьба обнаружила свою бизнес-перспективу, хотя эта тема постоянно обсуждается и рассматривается с практической точки зрения.) Из этого следует, что проект, сочетающий в себе погружение в историю и ее реанимацию, а также делающий упор на культуру и образование, имеет хороший шанс произвести капитализацию этих ценностей в виде солидарной поддержки, как внутри семейного круга, так в широких слоях общественности и в структурах власти. Скорее всего, это стало результатом достаточно продуманной и выражающей философию жизни Войцеховских-Качаловых расстановки приоритетов.

Кейс «Усадьба "Хвалевское"» важен и с точки зрения того, насколько восстановление старинных усадеб сможет стать в современных условиях драйвером социальных изменений на пространствах внегородской России. Данный кейс дает пример сочетания различных функций исторической усадьбы, сочетание которых позволяет вдохнуть жизнь в депрессивные сельские районы. Все это с неизбежностью повышает степень сплоченности в местных сообществах, активизируя социальную активность жителей, бизнеса и властей.

Список источников

Архитектурная школа МАРИШ. URL: <http://march.ru/> (дата обращения: 08.10.2017).

Ахметшина А. В. Понятие «историческая память» и ее значение в современном российском обществе // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. XXXVIII междунар. науч. – практ. конф. – Новосибирск: СибАК, 2014. С. 11–16.

В Петербурге обсудят, как сделать модным сохранение культурного наследия // VI Санкт-Петербургский культурный форум. URL: VI Санкт-Петербургский культурный форум (дата обращения: 28.11.2017).

В России создадут экспертный совет по возрождению усадеб // Коммерсант. Ru. 08.02.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3213046> (дата обращения: 08.10.2017).

Вологодский текстильный комбинат. URL: <https://vologda-textile.ru/> (дата обращения: 08.10.2017).

Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. — М.: ОГИ, 2008.

Евангулова О. С. Художественная вселенная русской усадьбы. — М.: Прогресс-Традиция, 2003.

Епифанов Ю. Село Борисово-Судское: взгляд через века. — Бабаево: РИК «Наша жизнь», 2006.

Журнал «Наше наследие». Специальный номер, посвященный усадьбам. 1994. № 29—30.

Знаменитые музеи-усадьбы России / Ред. сост. И. С. Ненарокова. — М.: АСТ-Пресс, 2010.

История моей семьи в XX веке. Материалы научно-исследовательской работы студентов кафедры культуры и дизайна РГСУ в рамках изучения дисциплины «Прикладная культурология». Выпуск 1. изд. 2-е. / Под ред. Т. В. Пушкаревой. — М.: Ridero, 2015.

Каждан Т. П. Художественный мир русской усадьбы. — М.: Традиция, б.г.

Качалов Н. А. Записки тайного советника. — М.: Новый хронограф, 2012.

Коробко М. Ю. Источники по истории русской усадебной культуры. — М.: Ясная поляна, 1997.

Мир русской усадьбы. Каталог выставки. — М.: Авангард, 1995.

Михайлов К., Лотарева Д. Возрождение русской усадьбы. XXI век. — М.: Издательство «Русская усадьба», 2015.

Николай Николаевич Качалов // СПбГЭТУ «ЛЭТИ» URL: <http://www.eltech.ru/ru/universitet/istoriya-universiteta/nasha-gordost/nikolay-nikolaevich-kachalov> (дата обращения: 08.10.2017).

Новиков В. Русская литературная усадьба. — М.: Ломоносовъ, 2012.

Нора П. Проблематика мест памяти. В кн.: Франция-память. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999.

Покровский М. Н. Общественные науки в СССР за десять лет. Доклад на конференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928 г. Книга XXVI (2) // Вестник Коммунистической академии. — М.: 1928. С. 5—6.

Пушкарева Т. В. Память и миф: амбивалентность процессов ремифологизации современного исторического сознания // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2011. № 3 (32). С. 7—14.

Пушкарева Т. В. Прошлого длинная тень: проблематика исторической памяти в интерпретации Алейды Ассманн // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. . 2012. № 9—1. С. 143—145.

Пушкарева Т. В., Шемякина Е. М. «Memory studies» в развитии социогуманитарного знания. Часть 2. «Memory boom»: современное состояние и перспектив. // Вопросы культурологии. 2016. № 4. С. 28—32.

Репина Л. П. Культурная память и проблемы истории описания. — М.: Издательство ГУ-ВШЭ, 2003.

Род Качаловых. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D1%87%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%8B> (дата обращения: 08.10.2017).

Русская провинциальная усадьба, XVII — начало XX века / Под ред. М. А. Поляковой, Е. Н. Савиновой — М.: ЛомоносовЪ, 2011.

Русская усадьба. URL: <http://www.rususadba.ru/ru/home/> (дата обращения: 08.10.2017).

Русская усадьба: региональные и общекультурные аспекты: коллективная монография. — Псков: Издательство ООО «Логос», 2015.

Русская усадьба: Сборник Общества изучения Русской усадьбы (ОИРУ) / Научный ред. — сост. М. В. Нащокина. — СПб., 2017.

Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. — М.: Языки русской культуры, 1997.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № Т. 2—3. № 40—41. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения 08.10.2017).

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. — М.: Новое издательство, 2007.

Хвалевское — старинная русская усадьба. URL: <http://hvalevskoe.com/> (дата обращения: 08.10.2017).

Assmann J. Religion and Cultural Memory: Ten Studies. — Stanford: University Press, 2005.

Barash J. A. Collective Memory and the Historical Past. — Chicago and London: University of Chicago Press, 2016.

Collective memory of political events: social psychological perspectives. / edited by J. W. Pennebaker, D. Paez, B. Rim . — Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1997.

Corning A., Schuman H. Generations and Collective Memory. — Chicago and London: University of Chicago Press, 2015.

Halbwachs M. On Collective Memory. — Chicago and London: University of Chicago Press, 1992.